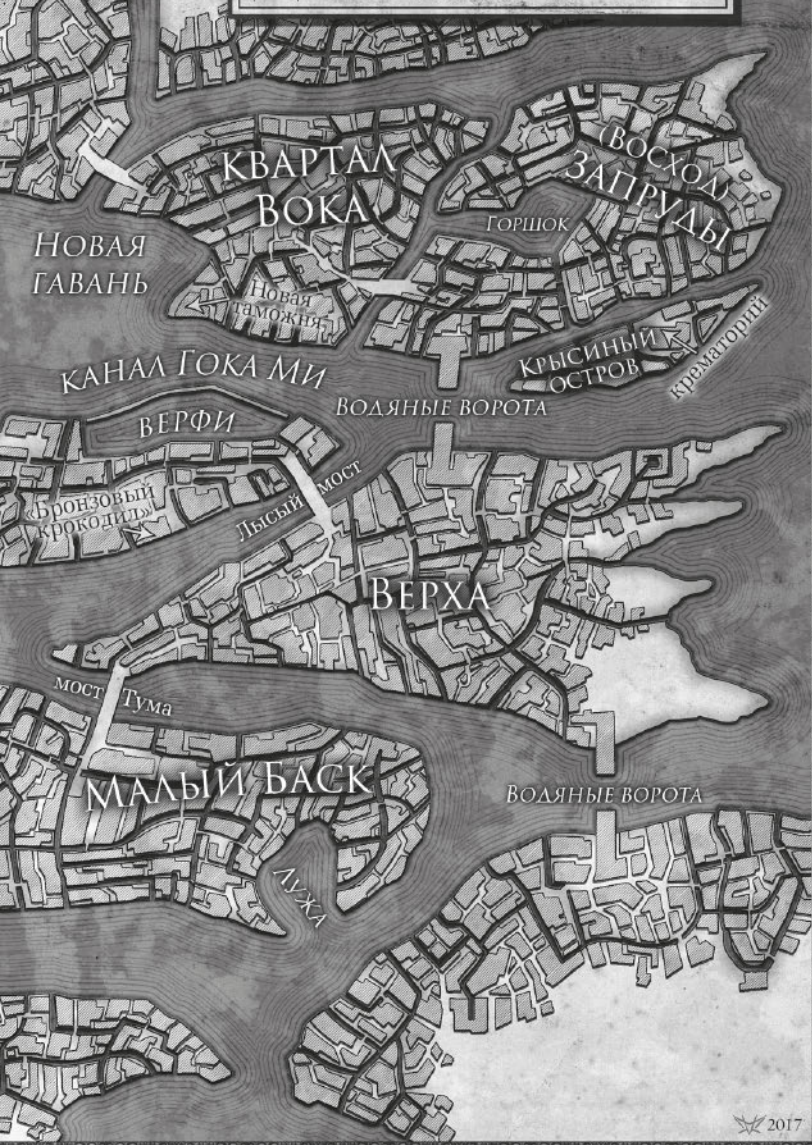
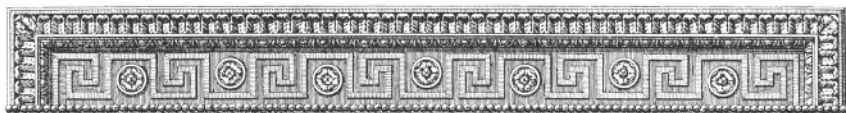

ДОМБАНГ

ПРОЛОГ

Я не собиралась об этом рассказывать. Покидая тебя столько лет назад, я хотела унести с собой и нашу историю. Полагала, раз я в центре событий, она только моя, но так не бывает. Любая история лишь отчасти принадлежит рассказчику. Даже самой дикой выдумке нужен слушатель, а это — не выдумка. Это быль, насколько мне удалось держаться правды многие годы спустя; к тому же в ней есть и другие участники. У них не меньше прав на эту историю, чем у меня, но они мертвы, и потому рассказывать выпало мне. Ты, конечно, тоже в ней участвуешь — единственный, кто дожил до конца, но не знал, что происходит. Не мог знать. Мне следовало давным-давно тебе рассказать, но далеко не сразу я поняла, что это и твоя история. Теперь, с опозданием, я ее тебе поведаю.

Я отправилась в Домбанг за любовью.

Ах да, еще мне надо было за четырнадцать дней убить семь человек, но это меня не смущало. Там, где я выросла, женщины укрепляли корсеты клинками, у каждого жреца было по десятку ножей, и стальные капканы, и иглы — такие тонкие, что не оставляли следа, проникая

в мозг через глазницу. Такие же жрецы и жрицы, как я, погибали от огня и железа; кто быстро, спрыгивая с обрыва песчаниковой горы, кто медленно, от нарастающей жажды. К пятнадцати годам я наизусть заучила тысячу способов отдать человека моему богу. Я не сомневалась ни в своем благочестии, ни в способности принести жертву.

А вот любовь... С любовью было не так просто. За двадцать пять лет жизни я перебрала множество любовников, долгими ночами в пустынных горах познавала свое тело наедине с собой или в чьих-то жарких объятиях. А вот любовь мне не давалась.

Непосвященных этим не удивишь. «Какая любовь, — спросите вы, — способна прорасти в каменном сердце Присягнувшей Черепу? Разве клинки Ананшаэля могут любить?»

Я не обижаюсь. Для множества людей мой бог — как и смерть, которую он несет, — только несчастье и ужас. Вы не бывали в Рашшамбаре, не слышали наших песнопений под молодой луной, не пробовали сладких плодов с высаженных под нашими каменными стенами деревьев. Что вы знаете о мужчинах и женщинах, которых зовете Присягнувшими Черепу? Откуда вам узнать, если я не расскажу?

Вероятно, начать следует с прозвания. Оно неверно.

Я не присягала ни черепам, ни на черепах, ни рядом с черепами. Правду говоря, я много лет и не видела ни одного черепа. Разве что кусочек окровавленной кости в ране на голове, но цельный череп, с круглыми глазами, без подбородка? Ради бога, на что мне череп, что бы я стала с ним делать?

Согласно общему мнению, мы «пьем кровь невинных младенцев», поэтому я рассею и это заблуждение: я не

пила крови младенцев, ни виновных, ни невинных. А так же крови взрослых и крови животных. Правда, однажды в Сиа отведала кровяную колбасу — толстые черные ломти на горке риса, — но ела с обычной тарелки, а не из черепа. Да там, кажется, все ее едят.

Уточню также, что не купаюсь в крови. Я достаточно перемазывалась в крови, когда трудилась для своего бога, но весь смысл купания в том, чтобы отскрести с себя кровь. Жрецы бога смерти купаются в горячей воде, — как все разумные люди в любом конце Анказа. В Рашшамбаре я добавляла в воду немного жасмина и порошок шалфея. Я люблю чистоту.

Еще несколько уточнений без особого порядка.

Я не одеваюсь в человеческую кожу. Предпочитаю шелк, хотя с шерсти кровь отстирывается легче.

Я никогда не совокуплялась с мертвецами. Не знаю, кто там измерял возбужденные члены висельников, только, даю вам слово, не я. Мужчины и живые слишком часто не знают, что делать в постели, чтобы добавлять к их недостаткам неповоротливость покойников. Любovníки мне, как вода для купания, нравятся теплые, чистые и, по возможности, благоухающие, хотя в последних двух пунктах я готова на уступки.

Я, разумеется, понимаю, что все люди ошибаются. Если у вас перед глазами череп или бочка крови, вполне вероятно, здесь побывал мой бог — развоплотил живое существо и скрылся. Ананшаэль оставляет после себя кровь и черепа так же верно, как рассветный ветер взбивает пыль и качает деревья, но качающиеся деревья — не ветер, а кровь и черепа — не смерть.

Смерть с улыбкой опровергает любые сравнения. Я усвоила это в первый же свой год в Рашшамбаре. Про-

махнется тот, кто назовет смерть дальней заморской страной или несмолкаемым криком. Смерть не похожа ни на что. Труды Ананшаэля нечему уподобить. Самый верный способ отдать дань его тайне и величию — промолчать.

С другой стороны, молчанием мы поощряем фантазии непосвященных — о наполненных кровью черепах, о кладбищенских оргиях, о младенцах, подвешенных на манер нелепых канделябров на стенах наших озаренных свечами пещер, — так что, пожалуй, несовершенная метафора будет лучше, чем ничего.

Возьмите виноградинку.

Пурпурная кожица словно овеена туманом. Сотрите его или прямо так отправьте ягоду в рот. Под прохладной гладкой кожицей скрыта упругая плоть. Если вы уже разволновались, перестаньте. Начните заново. Вообразите виноград, и только виноград. Представьте его таким, какой он есть, иначе ничего не выйдет. Ну вот. Каков он на вкус?

Вы скажете, у виноградины вкус винограда? Ничего подобного! Пока вы не раскусите виноградину, у нее нет вкуса. Она как галька из быстрой осенней реки — гладкий холодный камешек без вкуса и аромата. Хоть целую вечность держите ее на языке — разве что капелька сока протечет из крошечной ранки в том месте, где ягода крепилась к черешку.

Вы, как эта виноградина, полны сочной сладостью влажной багровой жизни. Правда жизни равна правде винограда — нужно раскусить, сжать зубами кожицу, чтобы на языке взорвался солнцем вкус холодной мякоти. Лишенная мига гибели, виноградина — всего лишь гладкий цветной камешек. Если бы та, кто держит виноградину в руке, еще не взяв ее в рот, не предвосхищала

смятую оболочку и вытекающую на язык сладость жизни, виноград не имел бы вкуса.

Такими, если не лгут хроники, были кшештрим и небарим — бессмертными гладкими камешками, не способными ни радоваться, ни чувствовать, ни отдавать. Конечно, когда они ходили по свету, мой бог был молод. В пору их создания силы его были куда скромнее — настолько, что бессмертные тысячелетиями избегали его руки. Так они могли бы существовать вечно — кроме тех редких случаев, когда их тела взламывали насильно, и мой бог наконец мог запустить пальцы вовнутрь, — но кшештрим зашли слишком далеко. В своем сухом, как пыль, стремлении составить опись всего сущего, познать мир, дабы подчинить его своей воле, они исчерпали терпение небарим, и те ответили.

Они проиграли — кшештрим сжили их со света, но противоборство двух рас многому научило моего бога. В последовавшие долгие тысячелетия он набирал силу и стал так мощен, что, когда явились мы — когда на беспощадную землю ступили люди, мужчины и женщины, — он уже мог покончить с нами одним щелчком своих неизмеримых пальцев. С кшештрим этот трюк ему так и не дался, но ничего. Мы пришли ему на помощь. Мы открывали ему дорогу, вспарывая бессмертную плоть бронзой. Кшештрим были камнями, но мы разбили камни, мы соскребли их с лица мира, как прежде они соскребли небарим.

Мы — не каменные. Наша человеческая кожа тонка, сквозь нее ярко просвечивает жизнь. А смерть? Бог, которому я служу, — он, словно сжавшие нас зубы, обещает сладкую багровую гибель, без которой мы остались бы всего лишь гладкими камешками.

Мои братья и сестры по вере понимают это лучше многих. Мы посвятили жизнь этой истине. И потому в стенах Рашшамбара не иссякают радость, веселье, музыка и, да, любовь. У меня на глазах состарившиеся супруги рука об руку шагали с кроваво-красного обрыва, не разлучаясь даже в миг развоплощения. Я видела, как жены, налив мужу отравленного чая, сами подносят к дрожащим губам глиняную чашу с последней свободой от невыносимой боли. Я видела счастливые лица пар помоложе, когда они украдкой ускользали от всех, и даже сама ощущала намек на то блаженство, слабую дрожь восторга при касании чужих губ.

Но любви не знала.

Не то чтобы меня это тревожило. Я была молода, сильна, горела огнем веры и товарищества с братьями и сестрами. Любовь представлялась приятной закуской, которую можно отложить на потом — на время, когда молодость останется позади.

А потом настал срок Испытания, и прозвучала та песня.

Мой бог великий охотник до музыки. Не застывшие, завершённые образы картин и статуй его прельщают — ему нужна музыка. Музыка неразрывна с самоуничтожением. Каждая новая нота гасит прозвучавшие прежде. Попробуйте удержать все — вы получите безумную какофонию, бессмысленный шум. Песня, как и жизнь, отпускает мгновенье за мгновеньем; начиная, помнит, что придет конец. А из всего разнообразия музыки — скрипок, барабанов, печальных арф и радостных рогов — Ананшаэль избирает человеческий голос, звучание инструмента, вкладывающего в мелодию осознание своей недолговечности.

ПРИСЯГНУВШАЯ ЧЕРЕПУ

Неудивительно, что проба в конце ученичества началась с песни, но среди всех слышанных в Рашшамбаре мелодий эту от меня утаили — как от всех послушников до начала Испытаний. Внимайте, и вы поймете, как отчаянно я нуждалась в любви.

Из тех, кто прав, из тех, кто не прав,
Из певцов, заплутавших в песни сетях,
По одному отдай, отдай
В его миллионперстую длань.
Торговца смертью жизни лиши,
Бездыханным ему отдай.
Из тех, в ком зреет новая жизнь,
Милосердием острого ножа,
Одну ему отдай.
Одного из знающих имена,
Называющих имена,
Тому, в чьем царстве нет места словам,
Отдай, отдай.
Всех их предай ему в ладонь,
И еще того, из всех одного,
Кому душа и тело поют любовь,
Кто не вернется вновь.

Не знаю, кто сочинил музыку, но это было совершенное двухголосие, где одна мелодия отточенным лезвием прорезала теплую кожу другой. Мне пропели ее Эла и Коссал — мои свидетели в зале Всех Концов, каменном кубе под сводчатой крышей всего с десятков шагов в ширину. Не зал, а просто комната, освещенная двумя свечами — закрепленными на стенах желтоватыми столбиками толщиной с мое бедро. Алтарей там не было. Алтарями служили их поющие тела и музыка жертвоприношения, переполнившая тесное пространство, где свет плескался, как вода; где ее сочный гортанный голос

сплетался с его — сухим и суровым, точно старое железо. Я заплакала — сперва от чистой красоты мелодии, а потом, когда распознала слова, снова заплакала, осознав, что они значат: мой провал. Я уже провалилась, не справилась с великим испытанием веры еще до его начала.

Эта песня — перечень; перечень тех, кого новичок должен принести в дар богу, чтобы стать настоящим жрецом Ананшаэля. На все жертвоприношение от начала до конца будущей жрице отводится четырнадцать дней. Четырнадцать дней на семь жертв. Не такое уж суровое требование для того, кто рос и учился в Рашшамбаре, — но неисполнимое для тех, кто, подобно мне, никогда не знал любви.

Песня отзвучала, а слова все бились в моей памяти: отдай богу того, «кому душа и тело поют любовь».

Эла первой заметила мое смятение, но истолковала ошибочно.

— Понимаю, — сказала она певучим голосом, поглаживая сильной ласковой ладонью мои плечи (ее пальцы были теплыми и в зябкую ночь). — Я понимаю.

Коссал занялся свечами. Кроме двух огоньков, в комнате не было света, а он уже занес мозолистые пальцы, чтобы затушить фитили.

— Дай ей время, старый козел, — обратилась к нему Эла.

Рука жреца замерла, он обернулся. Коссал был в летах, но не сутулился. Его осанка, его высокая жилистая фигура могли принадлежать человеку годами сорока моложе, и только лицо, оливковое под седеющей щетиной, напоминало работу резчика, исчертившего кожу складками и морщинами. В его глазах блестели точки свечных огоньков.

— Времени у нее сколько угодно. В темноте.

— А если ей хочется немного света?

Коссал, немелодично насвистывая сквозь щербину в зубах, перевел внимательный взгляд на меня.

— Если собирается стать жрицей, пусть привыкает к темноте. И нечего переводить воск.

— Нам не только воск случалось переводить, — возразила Эла. — Я задую свечи перед уходом.

Старик еще раз взглянул на меня, потом на свечи, будто ждал от них ответа, и покачал головой:

— И как мы с тобой, Эла Тимарна, ладим? Для меня это неразрешимая загадка.

Смех Элы прозвенел серебряным колокольчиком. У меня на глазах она пробивала кулаком толстый пласт запекшейся на солнце глины, она, взявшись за рога, ломала шею умирающей козе, но свою мощь носила легко. Сплетающиеся под ее смуглой кожей мышцы и жилы могли принадлежать прыгунье, а не убийце. В ней все казалось легким: волосы — тугие черные колечки словно взлетали при каждом движении, руки вечно стремились вверх, указывая на то или на другое, уголки губ всегда готовы были приподняться в улыбке.

— Мы потому ладим, — отвечала она жрецу, подмигивая мне, — что у тебя слабость к молоденьким.

— Молоденькие, смешно сказать, с годами стареют, — хмыкнул Коссал.

— С годами... — повторила Эла, то ли раскрывая объятия, то ли подставляясь под удар. — И долго ждать?

Она взглянула на него искоса, блеснула зубами в отблесках свечей:

— По-твоему, я уже старая?

Эла медленно, как в танце, повернулась кругом, задержалась на миг к нему спиной и завершила движение.

Коссал не сводил с нее глаз. Смотрел открыто и прямо, оценивающе, но в его взгляде не было вожделения — ни следа липкой похоти.

Мне подумалось: «Хочу, чтобы на меня кто-нибудь так смотрел — не просто смотрел, но видел».

Но внимание жреца принадлежало только этой зрелой женщине.

— Нет еще, — наконец признал он.

Эла улыбнулась. Оба стояли неподвижно, но сквозняк трепал огоньки свечей, отчего тени их вздрагивали.

— Спасибо. Меня бы несказанно огорчило, будь ты в свои семьдесят моложе меня в мои тридцать пять.

— Я давно распрощался с молодостью, — покачал головой Коссал. — Она мне никогда не была к лицу.

— Что тебе к лицу, мне лучше знать.

Старый жрец снова хмыкнул и обратился ко мне:

— Дам тебе один совет, детка. Неплохо бы тебе к концу Испытания остаться в живых.

Эла обхватила меня за плечи и, заговорщицки их пожав, громко зашептала на ухо:

— Сделай вид, что слушаешь. Советчик из него никакой, но ему так нравится раздавать советы.

Коссал пренебрег насмешкой.

— Смотри не ошибись, отдавая богу того, «кому душа поет любовь». А не то, — он все так же заглядывал мне в глаза, но кивнул при этом на Элу, — она всю жизнь будет тебя изводить.

— Говорю же... — Эла по-прежнему шептала так, чтобы Коссалу было слышно, — ужасные советы. Он проходил Испытание лет за десять до моего рождения.

— Надо было тебя дожидаться, — как бы самому себе проворчал он и, покачав головой, двинулся к выходу.

Эла развернулась так стремительно, что я только задним числом осознала движение, шагнула к старому жре-

цу и обозначила удар под ребра. Скоростью она не уступала никому из жриц Рашшамбара, но я, раз за разом вспоминая случившееся, дивилась не ее скорости, а неподражаемой легкости, с какой Коссал перехватил удар: поймал запястье и задержал напряженные пальцы в паре дюймов от своего бока. Эла опустила глаза на свою ладонь, горестно покачала головой и с улыбкой коснулась губами его лба.

— Ты и вправду жалеешь, что не задушил меня в колыбели? — спросила она.

Спросила так тепло, словно они были наедине, словно забыла о моем присутствии.

— Так было бы проще, — отозвался Коссал, выпустив ее руку.

— Что проще?

— Задуть свечи, сделав дело, — покачал головой старый жрец. — Немножко света — это неплохо, но створенный воск не вернешь.

Коссал шагнул в ночь, и кедровая дверная створка тихо затворилась за ним. Эла еще постояла, глядя на нее; губы она сложила трубочкой, будто собралась насвистывать пару тактов знакомой мелодии. Она казалась совершенно спокойной, но я видела, как бьется пульс в жилке у нее на шее — не то чтобы часто, но чаще, чем прежде. И дышала она чаще, грудь под одеждой поднималась и опускалась — уж не знаю, от быстротечной схватки с Коссалом или еще от чего.

— Он тебя любит? — глупо спросила я.

Эла с улыбкой обернулась:

— Что бы этот старый дурень понимал в любви!

— Хоть однажды он должен был любить.

— Однажды? — Жрица склонила голову к плечу, потом, сообразив, кивнула. — А, ты про Испытание.

— Он его прошел. Значит, кого-то любил. Без этого никак.

— Возможно, — ответила Эла и пожала плечами. — Довольно о нем, Ананшаэль уже почти схватил его. Так вот что тебя тревожит? Последний дар богу?

Я колебалась. Правда виделась мне унижительной.

Жрица развернула меня к себе лицом. Одной рукой она взяла меня за плечо, другой приподняла подбородок так, что мне пришлось взглянуть в ее темные глаза. Облачко ее волос светилось в огнях свечей, а лицо терялось в тени. Она была лишь немногим выше меня, но тогда я снова почувствовала себя ребенком, заплутавшим в лабиринте едва знакомых чувств.

— Они всем тяжело даются, — сказала Эла. — Последние строки песни. Даже жрецам Ананшаэля случается забывать, что мы принадлежим нашему богу. А любовь — коварная, пронырливая богиня. Она заставляет верить.

— В любовь?.. — Я осеклась, не в силах выдавить больше этого короткого слова.

Эла кивнула:

— Кого бы ни любила, ты веришь, что можешь ее удержать. Или его. — Она пальцем погладила меня по щеке. — Это не так.

Это было слишком. Почувствовав в глазах горячие слезы, я только и сумела мотнуть головой, толкнула кедровую дверь и шагнула в ночную прохладу — из теплого мерцания двух свечей в древний и холодный блеск рассыпанных над головой бесчисленных звезд. Вокруг светились под луной выстроенные из бледного песчаника дома и залы Рашшамбара. Между ними поодиночке и по двое прохаживались люди: болтали, смеялись или молчали. Темноту раскрасил обрывок далекой песни.

Я ничего не замечала, я уходила от всего этого, пока могла, — до самого края плоской вершины, где пришлось выбирать: остановиться или упасть.

С обрыва я заглянула в окружающую Рашшамбар пропасть. Конечно, я бывала по ту ее сторону. Я за ней родилась, росла до десяти лет и за прошедшие с тех пор пятнадцать не один десяток раз проходила по узкому каменному пролету, связавшему Рашшамбар с горами и внешним миром. Наша крепость удалена от мира, но вера наша не монашеская, она стремится к проповеди и распространению. Всюду, где живут люди, ступает наш бог: бесшумно шагает по мраморным коридорам власти и по нищим переулкам, посещает затерянные на лесных полянах хижины, и шумные гавани, и многолюдные военные лагеря. Он всех наравне оделяет своей справедливостью. И нам, ее служителям, приходится выбиратья в широкий мир. На каждый мой год в Рашшамбаре приходился год за его пределами: то к западу от Анказских гор, то к востоку, но всегда я жила среди людей, изучала их обычаи, надежды и страхи, их нужды. Я жила в Сиа и во Фрипорте, в запутанных лабиринтах Уваши-Рамы и в деревушках на восточной стороне Зеленой Пропасти. Я заводила друзей и знакомых, я тепло вспоминала оставленных на двух континентах любовников, и все же...

Я не услышала шагов Элы, слишком тихо она ступала, но уловила ее запах — жасмина и дыма — в прохладном дуновении пустыни. Она остановилась за моим плечом. А когда заговорила, голос словно окружил меня.

— Казалось бы, пора уже и привыкнуть, — негромко сказала она.

Ее слова были согреты непонятной мне улыбкой.

— К чему привыкнуть?

— К собственной тупости.

Стейвли Б.

С 79 Присягнувшая Черепу : роман / Брайан Стейвли ; пер. с англ. Г. Соловьевой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 480 с. — (Звезды новой фэнтези).

ISBN 978-5-389-21765-2

Ей не нравится, когда ее называют Присягнувшая Черепу. Это не передает и доли ее преданности Ананшаэлю, богу смерти. Она мечтает стать его жрицей, и теперь ей осталось пройти последнее испытание. У нее будет четырнадцать дней на то, чтобы убить семерых, описанных в древней ритуальной песне, включая того, кто заставит ее душу и тело петь от любви. Пирр — воплощенная смертоносная сила и с легкостью принесет в жертву божеству человеческую жизнь, а если придется, отдаст и собственную. Она никогда ни с кем себя не связывала. Лишь однажды ей довелось встретить человека, которого она... запомнила. Он подавил мятеж в Домбанге — тысячелетнем городе, что стоит над болотом, кишасим злобными тварями. Пирр вместе с двумя свидетелями отправляется туда, чтобы среди темных извилистых каналов найти этого человека и покончить с ним...

Роман из вселенной «Хроник Нетесаного трона». Впервые на русском!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

Литературно-художественное издание

БРАЙАН СТЕЙВЛИ

ПРИСЯГНУВШАЯ ЧЕРЕПУ

Ответственный редактор Янина Жухлина
Редактор Ольга Дервенева
Художественный редактор Татьяна Павлова
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Юлия Теплова, Валентина Гончар
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 07.04.2023. Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 29,4.
Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» –
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-ZNF-30719-01-R